

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

LE GERFAUT DES BRUMES

Кречет во мгле

Кречет во мгле

Невеста из Версаля

Сокровище

Жюльетта
Бенцони

Сокровище

Москва
«ЭКСМО»
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 46

Juliette Benzoni

LE TRÉSOR

Copyright © Juliette Benzoni, 1980
All rights reserved

Перевод с французского *И. Крутичевой*

Художественное оформление *С. Ляха*

Бенцони Ж.

Б 46 Сокровище / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. И. Ю. Крутичевой]. — М. : Эксмо, 2014. — 480 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского романа).

ISBN 978-5-699-70875-8

Жюдит, любимая супруга Жилия де Турнемина, попала в руки опаснейшего человека — брата короля Людовика XVI, графа Прованского, который не остановится ни перед чем, чтобы занять французский трон. Он намерен использовать Жюдит в своих интригах. Жиль должен спасти жену, но он не может с ней связаться — все в Париже считают его погибшим. Жиллю приходится скрываться, изменять внешность, но так он получает возможность подобраться к врагу невероятно близко! Под личиной простого американского моряка ему открываются немыслимые тайны...

**УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)**

ISBN 978-5-699-70875-8

© Крутичева И., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог

В годы американской революции Жиль Гоэло не только пережил невероятные приключения, но и впервые в жизни встретился со своим отцом, который, умирая, передал ему имя и титул. Так Жиль Гоэло, незаконнорожденный сын, участью которого было скучное существование сельского кюре, стал шевалье де Турнемином, офицером драгунского полка королевы. Помимо родового имени, Жиль во время пребывания в Америке получил еще одно — индейцы племени онондагов прозвали его Кречетом.

Ради своей любимой, рыжеволосой красавицы Жюдит де Сен-Мелен, исчезнувшей после страшных событий, пережитых ею возле замка Тресессон, Жиль хотел добиться славы и денег и, прежде всего, вернуть земли предков или хотя бы родовое гнездо — замок Юнодэ. Для достижения своей цели он последовал в Испанию за своим другом Жаном де Бацем, чтобы поступить там на службу и накопить средства, так как в этой стране, по слухам, составить состояние было гораздо легче.

При дворе короля Карла III Жиль де Турнемин приобрел не только безжалостных врагов, среди которых были представители святой инквизиции, но и преданных друзей, таких как художник Гойя и обворожительная герцогиня

ня Альба. Эта женщина, питавшая страсть к шевалье, помогла ему тайно и поспешно покинуть Испанию, чтобы спасти свою жизнь. При расставании она попросила его об одной услуге. Молодой человек должен был купить для нее самое красивое и самое дорогое в Европе бриллиантовое ожерелье, то самое, которое ювелиры Бомер и Бассанж пытались продать с тех самых пор, как от него отказалась королева Франции.

Вернувшись во Францию и став лейтенантом королевской гвардии, Жиль невольно оказался втянутым в дворцовые интриги. Граф Прованский, брат Людовика XVI, жаждал занять французский престол. Графиня де Ламотт-Валуа строила козни, желая составить состояние и заполучить знаменитое кольцо, и это ей удалось в результате искусснейшей аферы. Орудием ловкой интриганки стал кардинал Роган, готовый на любые безумства ради королевы Марии-Антуанетты, в которую был страстно влюблен. А загадочный итальянец, некий граф Калиостро, играл в этой истории очень странную роль. Но именно рядом с ним Жиль нашел свою Жюдит, чей дар провидицы эксплуатировал граф.

Когда открылась афера, получившая название «кольцо королевы», Жилю поручили арестовать в Версале кардинала де Рогана. Он выполнил просьбу своего земляка и согласился взять на сохранение священную для него вещь, которую кардинал желал скрыть от полиции. Это был портрет юной Марии-Антуанетты, Калиостро тоже был арестован, и Жюдит пришла искать убежища у Жилия. Она, наконец, призналась в своей любви к нему и согласилась стать его женой.

Но в вечер свадьбы Жилия вызвали письмом от имени королевы на некую встречу. Все было подстроено гра-

финеи де Бальби, мстительной любовницей Жиля, которая, одурманив шевалье, три дня продержала его вдали от новобрачной. Вернувшись домой, де Турнемин не застал свою жену. Жюдит нашла у него в шкатулке портрет Марии-Антуанетты, принадлежавший кардиналу, и, убежденная в том, что Жиль любовник королевы, оставила его. Шевалье пришел в отчаяние, обнаружив исчезновение жены, и в этот момент молодого человека арестовали как сообщника кардинала де Рогана и препроводили в Бастилию.

Часть первая

Ров Бастилии

Сентябрь 1785 года

Глава I

Салонный астролог

Загремели засовы, и тяжелая дверь камеры открылась. Появился тюремщик, согнувшийся под грузом тарелок и мисок под оловянными крышками. Лязг металла заполнил восьмиугольное помещение, которое отозвалось на этот звук словно барабан. Но этому шуму не удалось вывести арестанта из состояния прострации, горьких и бесконечных раздумий, в которые он погрузился с момента своего заключения в Бастилию.

Жиль часами напролет лежал на кровати, устремив взгляд на пыльный балдахин из зеленой саржи. Его мысли тонули в каком-то оцепенении, притуплявшем его горе. Он стряхивал с себя этот морок только для того, чтобы наскоро умыться и перекусить тюремной пищей, без всякого, впрочем, аппетита.

И все это исключительно ради того, чтобы доставить удовольствие Понго, индейцу из племени ирокезов, с которым судьба свела шевалье на берегу реки Делавер четырью годами ранее. Тогда Жиль спас жизнь Понго, позже, в Испании, бывший шаман отплатил ему тем же. Индеец был бесконечно предан де Турнемину, стал для него не просто слугой, но другом и доверенным лицом. От испанской сьерры и двора Карла III до сверкающих пар-

кетом залов Версаля и садов Трианона, Понго как тень следовал за хозяином, где бы тот ни находился, и был не только свидетелем, но и участником его приключений. И пусть шевалье заключили в Бастилию, это ничего не меняло. Индеец, не моргнув глазом, последовал за ним и позволил запереть себя в старой средневековой крепости, хотя этому сыну бескрайних просторов, должно быть, было особенно тяжело находиться в неволе.

Без его заботливого и молчаливого присутствия Жиль, наверное, совсем бы опустился, пал духом и просто умирал себя голодом, настолько его нынешняя жизнь и будущая судьба казались лишенными всякого смысла.

Жиль де Турнемин снова и снова с горьким наслаждением переживал столь краткие, но незабываемые моменты своего счастья. Эти несколько дней, наполненных нежностью, надеждой, планами на будущее, навсегда запечатлелись в его памяти. Жюдит наконец покорилась любви, казалось, они обрели друг друга навсегда. Все закончилось так внезапно, когда благословение церкви уже превратило мадмуазель де Сен-Мелен в госпожу де Турнемин и открыло перед молодой парой приятные перспективы совместной жизни.

Горе арестанта было настолько глубоко, что ему даже не удалось пробудить в себе ненависть к жестокой и эгоистичной женщине, которая устроила эту драму. Куда сильнее, чем на госпожу де Бальби, бывшую недолгое время его любовницей, Жиль сердился на себя, потому что он не смог защитить свою любовь, он, который успел узнать коварство и ревнивый нрав Анны де Бальби. Как он мог оказаться таким глупцом, что не предвидел очевидного: женщина ее положения, обладающая непомерной гордостью, не позволит безнаказанно оставить ее в стороне, уязвленное самолюбие толкнет ее на самую изощренную месть.

Только это его и тревожило. Что же до недоразумения, послужившего поводом для его ареста, предполагаемого сговора между ним, простым офицером, и духовником короля, кардиналом принцем де Роганом, которого королева, словно обычного проходимца, обвинила в краже бриллиантового кольца ценой почти в два миллиона ливров, то Жиль даже не думал об этом. Он знал, что выполнил лишь долг милосердия, согласившись взять у кардинала при аресте дорогие ему вещи. Записку Жиль сжег, даже не взглянув на подпись, а портрет Марии-Антуанетты, который мог скомпрометировать королеву, спрятал в шкатулку, пообещав кардиналу когда-нибудь вернуть его. Это был всего лишь жест поддержки, естественный для вассала по отношению к суверену: с древности между сыновьями Кречета и принцами де Роган сложились феодальные связи, превосходившие даже власть короля Франции.

Возможно, из-за этого шевалье однажды вечером придется в кровавом свете факелов подняться на эшафот, возведенный на Гревской площади, или расстаться с жизнью во внутреннем дворе Бастилии. Смерть не страшила его. Отрубив ему голову, топор палача всего лишь освободит его от страданий, средства избавления от которых он не находил.

Жиль слишком близко подошел к абсолютному счастью, чтобы представлять себе будущее, в котором рядом с ним не будет Жюдит. Жизнь тогда станет всего лишь непосильным грузом, от которого он уже давно бы освободился, если бы не страх перед Богом, удерживающий его от самоубийства. Он слишком хорошо знал бретонское упрямство молодой женщины, чтобы надеяться на то, что однажды она примет правду, даст ему время хотя бы для того, чтобы объяснить произошедшее. Они вдвоем стали жертвами недоразумения, попали в слишком искусно устроенную ловушку... Жюдит уверена, что он предал

ее в вечер свадьбы, поэтому никогда не простит его. Так для чего ему тогда жить?

Молча, бросая любопытные взгляды на арестанта, тюремщик Гюйо постелил на стол достаточно чистую скатерть, сменил свечи, сгоревшие на три четверти, и поставил рядом со столовыми приборами тарелки, с которых с довольным видом снял крышки.

— Повар сегодня вечером постарался, сударь. Вас ждет суп из раков, горячие пирожки, язык с острой приправой, фрукты и пышки.

— Я не голоден.

— Зря отказываетесь, но если вы не хотите есть, я могу унести...

— Мы все съесть! — решительно вмешался Понго, бесцеремонно подталкивая тюремщика к двери. — Ты уходить!

— Вместо того чтобы откармливать меня, как гуся к Рождеству, — проворчал Турнемин, — лучше бы мне общили, когда меня будут судить и когда, в конце концов, казнят...

Именно таких вопросов тюремщик боялся больше всего, потому что он не мог на них ответить. Будь у него хотя бы малейшая информация о будущей судьбе узников — к примеру, дата или час первого допроса, — ему помешал бы ею поделиться строжайший запрет, под угрозой самой суровой кары, не позволявший даже намекнуть на нее. Но арестанты ухитрялись добывать информацию благодаря случайно оброненным словам, интонациям или жестам. Поэтому тюремщики хранили молчание и старались поскорее покинуть камеры заключенных. Именно так и поступил Гюйо.

Молчаливое отступление тюремщика вывело Жилия из себя. Он неожиданно выскочил из своего укрытия под зеленым балдахином, бросился на Гюйо, схватил за куртку,

приподнял над землей и начал трясти с такой силой, что загремела огромная связка ключей, подвешенных к поясу тюремщика (иногда для одной двери требовалось четыре или пять ключей). Зубы бедолаги стучали от страха.

— Ты мне ответишь, мерзавец, или нет? — прорычал шеваље. — Я хочу знать день своей смерти!

— Я... Я бы очень хотел вам ответить, сударь! Клянусь вам, я хотел бы этого от всего сердца. Но я не могу... Я ничего не знаю об этом.

— Правда?

— Чистая правда! Вам надо было спросить об этом у коменданта тюрьмы, когда он принимал вас здесь по приезду, а не у бедного тюремщика...

— По приезду?

Резко отпустив дрожавшего тюремщика, Турнемин повернулся к нему спиной и подошел к узкому окну, настолько глубоко расположенному в стене¹, что оно походило на начало туннеля. Он стоял у окна, не замечая роскошных красок, которыми закатное солнце разрисовало небо, снова углубившись в свои мысли и пытаясь воскресить воспоминания, которые от него ускользали.

Исчезновение Жюдит ввергло Жилия в такую пучину страданий, что почти стерло из его памяти случившееся позднее. Смутно вспоминалось, как лейтенант военной полиции положил ему руку на плечо и арестовал именем короля, всплывало перед глазами залитое слезами милое лицо мадмуазель Маржон, его квартирной хозяйки. Дальше провал, тряска и темнота наглухо закрытой кареты, уносящей его во мрак огромного каменного колодца, двор Бастилии...

¹ Толщина стен равнялась 2 метрам. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания автора.)

Разве он кого-то видел тогда? Памяти, никогда ранее его не подводившей, потребовалось немало времени, чтобы воскресить багровое лицо под шляпой с золотым галуном, любезную улыбку, обнажившую желтые зубы, голос, приветствовавший его двусмысленным «добро пожаловать». Потом звон подбитых металлом сапог по каменной лестнице, лязганье засовов и, наконец, просторная темная комната со сводчатым потолком. В ней пахло одиночеством и сыростью, и Понго сразу сказал:

— Скверный вигвам!..

И все же молчаливый индеец удивительно быстро приспособился к новому положению. А вот его хозяин, безвольный и безразличный к своей будущей судьбе, позволял дням — сколько же их было? сто тысяч или... четыре? — бежать мимо. Ему не удавалось думать ни о чем другом, кроме своего разбитого счастья. Понго, со своей стороны, пытался как можно удобнее устроиться даже в Бастилии.

Бывший шаман племени онондагов быстро заметил, какое впечатление на тюремщиков, людей простых и суеверных, производила его экзотическая внешность. Он перестал стыдливо прятать под париком бритый череп с длинной черной прядью и охотно прибегал к страшным гримасам, которые ему отлично удавались, искажая и без того обделенное красотой лицо. Гортанный голос и необычная речь довершали картину, и Понго, пользуясь ситуацией, смог добиться для своего хозяина почти приличной обстановки, подсвечников и даже нескольких книг, к которым, впрочем, арестант даже не прикоснулся.

Так они и существовали: Понго заботился о своем хозяине с бдительностью хорошей кормилицы, а Турнемин переживал свое горе. Но наступил день, это было 5 сентября 1785 года, когда индеец решил, что его хозяин потра-

тил достаточно времени на пустые сожаления. Шевалье с очередным горестным вздохом отошел от амбразуры окна, чтобы вернуться в кровать, не бросив даже взгляда на аппетитные блюда на столе, но тут Понго преградил ему путь.

— Хватит плакать! — сурово сказал он. — Ты кушать!

— Оставь меня в покое, Понго! Я прошу только одного: покоя!

— Покой еще никогда никого не накормил, пустой живот плохо для духа воина.

— Воина? Не смеши меня! Кто тут воин? Я пленник...

— Пленный воин все равно всегда воин! Никогда не терять храбрость и не поддаваться отчаянию... как ребенок или женщина!

Жиль пожал плечами:

— Если ты хочешь разозлить меня, старина, то не стоит стараться. В тюрьме нет никакой разницы между мужчиной и женщиной. Отчаяние для всех одинаково...

В это мгновение, словно желая опровергнуть его слова, раздался женский голос, напевавший модную песенку. Понго подошел к глубокой амбразуре окна, прислушался и улыбнулся, обнажив выступающие передние зубы, придававшие ему удивительное сходство с кроликом.

— Я бы сказать, женщина лучше переносить тюрьму, чем знаменитый Кречет! — насмешливо сказал он.

— И что это доказывает? — пробурчал Турнемин. — Есть женщины, которые могут привыкнуть к чему угодно. Впрочем, это может быть и сумасшедшая. Говорят, здесь такие есть...

Но Жиль лукавил, ему даже показалось, что он узнал этот голос. Он слышал его, напевавший тот же романс — арию из «Нины, или Безумной от любви» — тем вечером на улице Нёв-Сен-Жиль, который так плохо для него за-

кончился¹. Он был очень похож на голос мадам де Ламотт. А поскольку ее арестовали 18 августа, то не было ничего удивительного в том, что он услышал ее пение в Бастилии. Но просто поразительно, что у нее хватает духа петь в этой страшной тюрьме.

Голос этой женщины, виновницы отвратительного скандала, пронесшегося над Версалем подобно урагану, вырвал его из паутины черных мыслей. Тогда в краже изумительного и баснословно дорогого бриллиантового кольца обвинили кардинала де Рогана, Великого раздатчика милостыни Франции².

И Турнемин почувствовал, что время пустых сожалений для него закончилось, что его личное несчастье не идет ни в какое сравнение с бедой, случившейся в королевстве.

Встав со стула, Жиль обратился к Понго:

— И что же ты хочешь от меня, великий шаман? Какое снадобье ты мне пропишешь?

— Понго уже сказал: ты кушать, чтобы вернуть здоровые мысли и вкус к бою.

— Ладно, поедим!

Впервые после своего водворения в Бастилию Жиль сел за стол, дав знак Понго занять место напротив. До этого шевалье съедал лишь кусок хлеба, запивая его несколькими глотками вина. Но оказавшись за столом с ароматными блюдами, шевалье почувствовал, как в нем просыпается аппетит, свойственный всем молодым людям. Он вдруг понял, что очень голоден и что тюремщик был прав — повар старой крепости постарался.

¹ См. часть 2 «Ожерелье дьявола».

² Великий раздатчик милостыни Франции, или альмосеньор, — духовно-светская должность, лицо, через которое раздавались все благотворительные пожертвования короля. (*Прим. перев.*)